

Для цитирования: Борисов С.В. Рождение «глубинной философии» из «духа онтопроектирования» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 113-122.

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

Рождение «глубинной философии» из «духа онтопроектирования»¹

Борисов Сергей Валентинович,

доктор философских наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)

454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 69

E-mail: borisovsv69@mail.ru

В статье изложены основные принципы «глубинной философии» – одного из направлений современной философской практики. Автор рассматривает эти принципы в контексте феноменологической модели «онтопроектирования», разработанной Ю.М. Резником. Автор дает подробное разъяснение главным концептам «глубинной философии», таким как «глубинное измерение», «созерцание», «персональность», «резонанс» и т.д. с позиции соотношения онтического и онтологического, мира «в-себе» и мира «для-себя». Кроме того, автор делится опытом работы философского ретрита «глубинной философии», который проходил в сентябре 2019 года.

Ключевые слова: онтология, онтопроектирование, «глубинная философия», философская практика, философствование, философское созерцание, диалог, философский ретрит.

The article outlines the basic principles of “deep philosophy” – one of the areas of modern philosophical practice. The author considers these principles in the context of the phenomenological model of “ontodesigning” developed by Y.M. Reznik. The author gives a detailed explanation of the main concepts of “deep philosophy”, such as “deep dimension”, “contemplation”, “personality”, “resonance”, etc. from the position of correlation of the ontic and ontological, the world of “in-itself” and the world of “for-itself.” In addition, the author shares the experience of the philosophical retreat of “deep philosophy”, which took place in September 2019.

Keywords: ontology, ontodesigning, “deep philosophy”, philosophical practice, philosophizing, philosophical contemplation, dialogue, philosophical retreat.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Казалось бы, в области философии трудно придумать что-то принципиально новое и предложить это широкой публике для практики самопознания. Однако, как известно, новое, это «хорошо» (незаслуженно) забытое старое. Философствование – это проективная деятельность, создание проекта самого себя. Осознающий себя человек всегда пребывает в пограничном состоянии между двумя реальностями – реальностью актуального и реальностью возможного. «Мостиком» между этими реальностями становится философствование, которое необходимо ровно настолько, насколько глубока и широка пропасть между этими реальностями. Через осознание себя в сущем (онтический аспект), человеку открывается возможность создать (или завершить) свой проект в бытии (онтологический аспект). Так перед нами открывается бытие возможного, или, используя терминологию российского философа Ю.М. Резника «дух онтопроектирования». «С точки зрения целей онтопроектирования, – пишет Ю.М. Резник, – бытие человека следует рассматривать не как свершившийся факт, а как становление, т.е. возможность стать Человеком, обрести единство с миром и самим собой (возможно-единое)» [5, с. 207]. Тогда получается, что в философии не только возможно возникновение чего-то нового, но это то, что в ней с необходимостью должно происходить согласно «духу онтопроектирования». Философия не может застывать в каких-то раз и навсегда данных, некогда разработанных и промысленных схемах. Ведь эти схемы не самоцель, это средство для того, чтобы что-то *было, состоялось, свершилось* как новое состояние человеческого сознания. Таким образом, философская теория служит практике философского образа жизни. Данная практика всегда совершается «здесь и сейчас» в ситуации осуществления человеческого бытия, как в притче «жил-был», которой начинается любая сказка. Ведь бывает так, что человек жил, но при этом быть-то его не было.

В 2017 году в Италии группой философов-практиков был выпущен «Манифест глубинной философии» [2, с. 136 – 137; 7], где провозглашались главные принципы осуществления философии как онтопроектирования.² Философствование, согласно этому манифесту, есть созерцательный, личностный процесс, ведущий к самотрансформации. Философское созерцание взывает к глубинным структурам человеческого бытия, к фундаментальным проблемам человеческой жизни. Совместная

² Более подробно с концепцией «глубинной философии» можно познакомиться на сайте: The Philo-Practice Agora: The electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world / Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth. Режим доступа: URL: https://www.philopractice.org/web/deep_philosophy, а также в книгах издательства *Loyev Books*: The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2019; The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2018; Лахав Р. Руководство по философскому партнерству: Принципы, процедуры, упражнения. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2017; Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2016; Lahav R. Philosophical Contemplation: Theory and Techniques for the Contemplator. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2016.

созерцательная коммуникация членов группы усиливает данный эффект. На первый взгляд словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия» кажется несколько туманным и даже пугающим. Зачем погружаться вглубь, если привычные функции разума и языка (объяснение, прояснение, проговаривание) как раз обратные – вынесение мысли из глубины на поверхность. Кроме того, укоренившееся в современном представлении психологическая коннотация «глубинных структур человеческого бытия» уводит нас в область исследования и интерпретации бессознательного, что является уделом психолога, а не философа. Однако проект «глубинной философии» как раз направлен на то, чтобы снять эти привычные коннотации. Концепт бессознательного не играет здесь никакой роли и никак не используется. Созерцательное философствование не ставит перед собой задачу дать описание неких психологических структур и объяснить механизм их работы, созерцательное философствование ставит перед собой цель проникнуть *за* пределы этих структур, двигаться *сквозь* эти структуры, не давая погаснуть той интенции, которая направляет разум на прямой и непосредственный контакт с бытием. Целью философствования является понимание, но не понимание данности «в-себе» (жестких паттернов человеческой психики), а понимание-«просветление» бытия «для-себя».

Азбучной истиной философии является то, что человек не может целиком и полностью полагать себя как данность материального мира. Следовательно, человек не является целиком и полностью данностью психического мира, жестко обусловленного какими-либо нейро-биологическими структурами или поведенческими механизмами. Интенция сознания направлена в будущее *сквозь* и осуществляется *помимо* этих структур и механизмов и является потенциально незавершенным проектом бытия «для-себя». Я разрываю с миром «в-себе» самим фактом своего сознания (интенция, рефлексия, трансценденция) и мне открывается возможность инобытия, т.е. возможность быть иным для мира «в-себе», обретая бытие «для-себя». Именно эту возможность и передает метафорическое словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия», т.е. бытия «для-себя», где мне и открывается новое видение фундаментальных проблем человеческой жизни в «истинной коммуникации», т.е. совместном созерцательном процессе по поводу сущностного, ценностного, самого важного для меня.

Философское созерцание – это интеллектуальная работа особого рода. Она задействует интеллект во всем его многообразии, а не ограничивается только логическими и аналитическими возможностями так называемого «критического мышления», по сути, логико-математической формы интеллекта. Аналитика – это редукция, идущая вглубь объекта, мышления, опыта. Философское созерцание – это практика синтеза, идущая из глубины. Понятно, что для того, чтобы идти из глубины, там нужно сначала оказаться. Но проникновение в «глубину человеческого бытия» осуществляется не методом аналитического, по сути, «хирургического» вмешательства (что, кстати, всячески подчеркивается аналитиками посредством концептов

«объективность», «незаинтересованность», «независимое суждение», «отстраненность», «нейтрализация эмоционального отношения» и т.д.) [3], а методом органического, ненасильственного проникновения. Как правило, для этого используются различные формы медитации – упражнения, фокусирующие внимание на этой «глубине».

Медитативная практика – это важный компонент философствования. Конечно, все многообразие этой практики не сводится только к практикам, заимствованным из восточной философской, религиозной и бытовой традиции, ставшими популярными в современной культуре и активно пропагандируемыми движением New Age. Данные практики рассматривают медитацию слишком узко как упражнения для достижения определенных психических состояний, служащих целям религиозной обрядности или психолого-медицинским предписаниям. Именно вопрос о цели использования медитативных упражнений является водоразделом между практиками New Age и философией [6]. В принципе любое глубокое погружение в мысль, переживание, текст, культурный или природный объект является медитацией, а упражнение по достижению полной сосредоточенности на этом является медитативной практикой. В этом смысле вся западная философия, начиная с античности, также практиковала и практикует различные формы медитации.

Например, французский историк философии П. Адо в интервью А. Дэвидсону, говоря о присущем западной философии расхождении «философской речи» и «философской жизни», находит их первоначальное единство в практике «духовных упражнений», по сути медитативной практике. Мы видим, например, Марка Аврелия, который записывает свои «Размышления», чтобы снова пережить в самом себе философскую речь. Однако в виду привычки, развлечений, повседневных забот философская речь всякий раз вновь становится для многих чистой теорией и перестает помогать человеку вести философский образ жизни. Тогда, утверждает П. Адо, возникает необходимость «вернуть в жизнь эффективность речи» [1, с. 173]. В интервью Ж. Карлие Адо говорит: «Я сказал бы, что тема, которая больше всего меня поразила, с самой моей юности, по причине моих чтений и в дальнейшем по причине моих разнообразных хирургических операций (я подвергался анестезии десятков раз), это тема медитации о смерти. Не потому, что меня навязчиво преследует мысль о смерти; но я всегда был удивлен тем фактом, что мысль о смерти помогает лучше жить, как если бы мы жили свой последний день, свой последний час. Такая установка требует полного превращения внимания, она обладает одновременно экзистенциальной ценностью и этической ценностью. Она, прежде всего, помогает осознать бесконечную ценность настоящего момента, бесконечную ценность сегодняшних моментов, но также бесконечную ценность завтрашних моментов, которые мы примем с благодарностью, как нечаянную удачу. Но она также помогает осознать серьезность каждого момента жизни. (...) Что здесь важно, это не то, что мы делаем, но как мы это делаем. Мысль о смерти

соответственно меня вела к этому упражнению сосредоточения на настоящем, что рекомендуют как эпикурейцы, так и стоики» [1, с. 246 – 247].

Философское созерцание – это практика, в которой наше мышление соприкасается с бытием напрямую. Это то, что отличает его от нашего привычного мышления и понимания, а именно, содержанием этого мышления является не сама по себе мысль или формы и процедуры ее выражения, содержанием этого мышления является сам мыслящий, находящийся в непосредственном отношении с бытием, описывающий этот опыт присутствия. Философское созерцание работает в области уникального, неизвестного, непознанного. Это мысль «впервые», поскольку эти глубины еще не освещались мышлением. Поэтому для характеристики этого опыта мы не можем применять привычные формы и процедуры нашего обыденного мышления, нам нужно преодолеть его узкие рамки, обусловленные его формальными закономерностями. Если представить это на каком-то бытовом примере, то все наши ёмкости для хранения воды покажутся ничтожными, если мы поставим перед собой цель вычерпать ими море. Обыденное мышление объективировано: иметь понятие вещи означает ее выделять и противопоставлять другим вещам, только так мы в состоянии определить ее признаки и свойства, дать ей характеристику. Эта форма мышления очень полезна для практических целей, когда мы имеем дело с конкретными объектами в нашем привычном мире, но ее недостаточно, когда перед нами открываются более широкие горизонты реальности. Матрица объективации не в состоянии вместить все многообразие опыта субъекта, когда он выходит за пределы этой матричной структуры. Проблема в том, что для многих людей эта матричная структура представляется единственно возможной реальностью, поэтому они полагают, что невозможно мыслить, находясь за пределами объективации, за пределами тех форм, которые обусловлены нашими психическими структурами и рассудочными механизмами.

Невозможно заниматься «глубинной философией», используя только наше привычное дискурсивное мышление и его объективирующие структуры. «Глубинная философия» стремится проникнуть к источнику бытийной реальности настолько глубоко, насколько это возможно. Для этого нужен иной тип мышления, способный реализовывать себя не в замкнутой системе повседневного опыта, а в открытой системе отнтопроектирования. Философское созерцание служит этой цели. Созерцательная практика нейтрализует привычные рассудочные и психологических механизмы, выходит за границы привычных форм мышления и рассуждения. Если в обыденных формах эти механизмы задают порядок мышления (т.е. регламентирующая форма является первичной), то в созерцательном мышлении первичным является опыт присутствия в бытии, опыт контакта с ним, который не соответствует ни одной из привычных форм регламентации. Психологические механизмы объективации с фиксированными образцами мышления здесь бесполезны. Философ при этом попадает в странную ситуацию, когда мысль может возникнуть «сама собой», выйдя из-под контроля этих структур. Интуицию невозможно запустить «по желанию»,

поскольку инсайт сигнализирует о принципиально новом опыте восприятия или мышления. Философское созерцание осуществляется в совершенно ином пространстве, чем то, в котором находится мое привычное психологическое «я», поэтому оно уже не может осуществлять свои контролирующие и регламентирующие функции. Я присутствую в совершенно пустом, бесструктурном внутреннем пространстве молчаливого сосредоточения, которое нельзя охарактеризовать с позиции моей привычной психологической деятельности. Таким образом, я получаю возможность описывать это пространство с позиции своего присутствия в нем, как будто оно само свидетельствует о себе внутри меня. Это совершенно другая форма мышления и понимания. Привычное психологическое мышление имеет дело только с ограниченной частью моего мира, жестко регламентированной механизмами мышления. Созерцательное мышление порождает мысль до ее объективации, поэтому она намного ярче и богаче. Это ощущение знакомо каждому из нас, когда для описания открывающейся нам реальности у нас просто не находится подходящих слов, хотя мы отчетливо чувствуем всю полноту реальности и всю драгоценность и неповторимость переживаемого момента присутствия за пределами наших привычных мыслительных рамок. Как правило, созерцательному настрою мешают наши привычные модели мышления, работающие в режиме автопилота. Для блокировки этих моделей используются медитативные практики, создающие необходимый созерцательный настрой для философствования. Медитативные упражнения являются не более чем рабочим инструментом, это не сакральные ритуалы, служащие религиозным или медицинским целям.

Еще одним принципом «глубинной философии» является ее персональность. Данный принцип тоже требует уточнения, поскольку речь идет не о попытке разобраться с помощью философии в своих личных психологических проблемах, а о достижении глубокого и вдохновляющего самопознания, открытия того истинно-сущего во мне, что соответствует не только моей личной свободе, но и, говоря словами Г. Гегеля, «свободе духа, изначально во мне заложенной», понять свое предназначение. «Человек есть, что он делает из того, что делают с ним» (К. Ясперс). В формулировке Ю.М. Резника этот тезис звучит так: «Человек есть то, что он делает из себя вопреки тому, что делают (и сделали) с ним» [5, с. 208]. Персональность философствования проявляется в своем уникальном временном измерении. Время обретает онтологическую качественную характеристику. Оно начинает расширяться вглубь, перестает восприниматься как поверхностное чередование мгновений. Расширяясь вглубь, персональное время становится чередой измененных состояний, перевоплощений сознания, которому открываются все новые и новые структуры бытия. Это можно сравнить с интуицией, которая обычно действует мгновенно, а тут весь процесс рождения мысли предстает как в замедленной съемке. Слой за слоем открываются пласты бытия, которые образовались подобно корке на поверхности из застывших идей, впечатлений, привычек, которые мешали сознанию проникнуть вглубь. Именно по этой «корке» скользят «напрасные»

мгновения жизни, измеряемые количественным временем. Качественное время расширяется вглубь, сознание проникает сквозь эти пласты к тем истокам, откуда появлялись эти застывшие идеи, когда они еще были живы. Так в процессе созерцательного философствования перед человеком предстает его будущее, т.е. раскрываются все его потенциальные возможности. В этом глубинном измерении именно будущее, а не прошлое становится источником жизни, энергии, желания что-либо изменить. Прошлое остается на поверхности, на которой плавают обломки повседневной рутинной жизни, поверхности того количественного времени, которое уже лишилось своей прежней власти и не навязывает свой мертвящий монотонный ритм.

«Глубинная философия» уделяет пристальное внимание интенции сознания направленной на поиск контакта с бытием, с реальностью. Это своего рода компас человека, который упорно и настойчиво указывает направление, ориентирует. Этот компас достают в критические минуты, когда человек заблудился, запутался в своих скитаниях и метаниях в мире повседневности. Способы ориентирования в мире «в-себе» и в мире «для-себя» принципиально иные. В мире «в-себе» меня ориентируют внешние факторы, обстоятельства, которые ставят меня в ситуацию выбора. Однако этот выбор касается не меня лично, а только моего присутствия или отсутствия при тех или иных обстоятельствах. Это выбор без выбора, поскольку я могу (или должен) находиться при тех или иных обстоятельствах, но при этом в них не присутствовать. То есть, если я выбираю «отсутствие», тогда я нахожусь в позиции «жертвы» обстоятельств, я выбираю мир «в-себе» как единственный и руководствуюсь той системой указателей, которые созданы, чтобы ориентировать меня в нем.

В мире «для-себя» я ориентируюсь исключительно на «присутствие» независимо от того, в каких обстоятельствах нахожусь. Я выбираю не что-то или кого-то, я выбираю себя. Я прислушиваюсь к своей интенции, и она направляет меня к «глубинным структурам» моего бытия. В отличие от мира «в-себе», внушающего мне мысль о безысходности, мир «для-себя» открывает мне новые возможности, удовлетворяющее мое стремление стать другим. «Иметь присутствие, – пишет Ю.М. Резник, – это значит, во-первых, быть автономным (в смысле дистанцированности от мира), и во-вторых, быть свободным, с точки зрения своей экзистенции» [5, с. 214]. Когда я следую «зову» бытия, я не ищу какого-то приятного опыта или счастья для себя, я не пытаюсь удовлетворить свое любопытство или партикулярный интерес. «Зов» бытия не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей. Меня влечет иное, я желаю воспринимать и мыслить себя не с позиции своей неполноты, недостаточности, а с позиции своей наполненности, избыточности, т.е. не с позиции своей данности, а с позиции своего проекта. Это похоже на любовь. Можно любить от недостатка каких-то личностных качеств и испытывать желание восполнить эти качества в себе за счет избыточности другого. Тогда любовь превращается в форму зависимости и парабощения. А можно, наоборот, любить от избытка тех качеств и свойств,

которые ты открываешь в себе, черпая их из того источника, который никогда не иссякнет и не оскудеет, из самого бытия. Тогда любовь станет формой освобождения от всех условностей и обстоятельств мира «в-себе».

«Для начала проектирования, – читаем у Ю.М. Резника, – человеку недостаточно лишь одной экзистенциальной решимости к бытию. Необходимо еще преодолеть инертность человеческого существования и обрести свободу творческого духа, а также сформировать способность создавать (трансцендировать) иное будущее из материала мира» [5, с. 220]. Откликаться на «зов» бытия человек может не только чувствами или переживаниями. Философское созерцание расширяет возможности мышления, понимания. Нас может глубоко тронуть музыка или произведение искусства, воспринимая которые мы почувствуем интенцию к бытию, «зов» бытия. Однако философское созерцание имеет дело не с симфонией как таковой, а с симфонией идей. Если музыкальную симфонию можно воспринимать непосредственно, эстетически, то философская симфония дана нам опосредованно через текст, и воспринимать ее можно только эйдетически. Для этого необходимо понимание философского текста.

Понимание можно рассматривать с онтической или онтологической позиции. Онтическое понимание работает в системе жестких структур интерпретации, заданной той или иной философской парадигмой. Критерием понимания с онтической позиции является установление соответствия философского текста определенной теоретической модели, получившей культурно-историческое признание в академической философии, возможность анализа текста, выявления его базовых концептов, подтверждающих или опровергающих принадлежность текста к той или иной теоретической модели. Спорные моменты (на предмет соответствия или несоответствия) подлежат обсуждению, а сам текст может быть подвергнут научной критике. Для онтического понимания действует правило, что интерпретатор должен понимать текст лучше и глубже, чем сам автор этого текста; в этом выражается мое принципиальное недоверие автору и тексту. Это возможно, если в силу установившихся культурно-исторических или академических прав, я воображаю себя неким «зеркалом объективации», способным воспринимать философский текст и заложенные в нем идеи с позиции внешнего наблюдателя. Текст становится для меня объектом мира «в-себе», поэтому я как эксперт этого мира определяю его положение среди других объектов. Обнаружение моей личностной вовлеченности в текст рассматривается как существенный недостаток моей интерпретации, моя «слабость», которую в идеале необходимо преодолеть. Это не может открыть мне контакт с реальностью посредством этого текста, наоборот это изолирует меня как от самой реальности, так и от реальности текста.

Однако помимо существования «в-себе» в своей фактичности текст может осуществиться «для-себя» (из меня) в своей возможности. Понимание с онтологической позиции предполагает интерпретацию, идущую *из* философского текста, которую можно осуществить, вступая в резонанс с мыслями и идеями, порожденными этим текстом и идущими *из* нашей

внутренней глубины. Философский текст становится для меня инструментом интерпретации собственных мыслей, идей, созвучных прочитанному. Ни я, ни текст не подлежат объективации, наоборот философский текст расширяет пространство моей субъектности, служит мне «фонарем» для ориентирования в «глубинных структурах» моего бытия. Я интерпретирую то, что мне удалось уловить, «услышать», вступив в резонанс с текстом. Для онтологической интерпретации не имеет значение мое согласие или несогласие с автором текста с позиции какого-то воображаемого внешнего критерия (согласованности идей или теорий, их соответствия парадигме) или внешнего наблюдателя (культурного или школярского «цензора»). Резонанс с текстом возможен, если между мной и текстом нет никакого водораздела, если я обнаруживаю свое присутствие в тексте. В этом суть понимания в онтологическом смысле – я понимаю себя текстом, а текст понимается мной в моей интерпретации этого уникального опыта понимания. Я мыслю и интерпретирую *из* моей реальности, наделяю ее голосом (звучанием) и тем самым озвучиваю свой проект бытия. Для онтологического понимания действует правило, что интерпретатор должен понимать текст, исходя из полного доверия автору, не занимая отстраненную позицию; глубина понимания прямо пропорциональна глубине внутреннего созерцательного отношения к бытию. При этом я могу не разделять мысли и идеи автора, но для моей созерцательной работы это не имеет значения. Философский текст для меня служит стартовой площадкой, дверью, открывающую передо мной новые «места» присутствия (Dasein) в бытии и новые возможности самопознания.

«Глубинную философию» трудно практиковать индивидуально, поскольку она диалогична. Диалог необходим, чтобы выстроить отношение с бытием. Необходимо осознанное, присутствующее «Я» и необходимо осознанное, присутствующее «Ты». Именно благодаря этим полюсам создается онтологическое напряжение, пространство «между», в котором проявляет себя бытие. Для мира «в-себе», где все тотально взаимозависимо и жестко детерминировано, отношения «Я-Ты» невозможны, возможны только отношения «Я-Оно». «Оно» господствует в мире «в-себе». «Оно» проявляется в материальности, объективации, причинно-следственной обусловленности. «Оно» прочно обосновывается в человеке как целый мир бессознательного. «Оно» встраивается в разные формы общественных отношений, симулируя базовые формы родовой (социальной) сущности человека. Сознание спасает нас из мира обусловленности, предоставляя нам возможность свободы в мире «для-себя». Отношения в этом мире выстраиваются иначе. В этом мире наши привычные модусы и знаки отношений теряют свое значение. Например, для того, чтобы общаться в отношении «Я-Ты» можно вообще не пользоваться ни устной, ни письменной речью. Молчаливый разговор открывает гораздо больше смыслов, чем привычные речевые формы общения. Отношение «Я-Ты» освобождает меня от скованности и связанности условиями мира повседневности и открывает мне возможность воспринимать глубину бытия

в совместном присутствии. Пока я остаюсь внутри себя, внутри своего мира, я ощущаю себя в безопасности в мире «в-себе». Но в мире «для-себя» мне некого бояться. Я могу не ограничивать себя своими собственными идеями, я могу свободно преодолевать свои собственные пределы, чтобы принять участие в диалогическом отношении «Я-Ты», открывающем мне более широкие горизонты понимания реальности.

В «глубинной философии» достигается единство мышления. Однако это единство не в конформизме, не в формализме, не в регламентации и не в совместной экзальтации, что совершенно не затрагивает экзистенциальные структуры человека и является, скорее, формой его порабощения, а не освобождения. Единство достигается через общую направленность на отношение «Я-Ты», когда я стремлюсь не к тому, чтобы *отделить* свои мысли от мыслей другого и *противопоставить* себя другому, нет, я хочу *разделить* свои мысли с другим, я хочу *принять* другого, я получаю прирост смысла от осознания того, что я больше не единственный создатель и владелец своего мышления. И это я осуществляю не в силу внешнего принуждения, необходимости, безысходности или страха; это является для меня актом свободы. Базовое отношение «Я-Ты» позволяет мне осознать, что у всех участников диалога единое мышление, ибо для всех нас открывается единое бытие; становится не важно через какие индивидуальные «двери» тыходишь в это единое «помещение». Мои идеи наполняются новыми смыслами за счет резонанса с идеями собеседников и идеями автора философского текста, для мышления открываются более широкие горизонты. Мой слух обострен, звучание реальности наполнено богатой, насыщенной полифонией «голосов» бытия.

Соприкосновение с онтологической глубиной настолько потрясает, что может стать заделом для стремления к самотрансформации. Так называемая «нормальная» психическая жизнь не может удовлетворить человека в силу своей поверхностности и фрагментарности, открывая перед ним весьма лимитированный набор возможностей. «Нормальная» психическая жизнь поглощает и кажется весьма активной, хотя более глубокие измерения человеческого существа при этом бездействуют. Человек скользит по поверхности и не чувствует в себе способность присутствовать в том, что является для него реальным и истинным. Как правило, реальность скрыта от непосредственного взора, ее нужно уметь различать. Для этого необходимо достигнуть определенного состояния мышления, которое даст возможность «видеть». Постепенно, шаг за шагом человек открывает в себе так долго бездействовавшие способности.

Моя «глубина» может «говорить» со мной, выразить себя, указывая мне на новые способы присутствия. Стоит прислушаться и ее голос начнет усиливаться, обретать отчетливость и ясность вещного слова. Я становлюсь садовником, возделывающим свою душу. «Садовник не может указать растению, как ему расти или как цвести. Садовник создает благоприятные условия, в которых жизненные силы растения проявят все свои потенциальные возможности. Точно так же «философский садовник» создает

внутренние условия, возделывая “глубину”, освобождая ее от “сора” психологических автоматизмов» [10, р. 46]. Я открываю для себя новую форму присутствия и создаю необходимые условия для того, чтобы стать другим.

Однако нужно отдавать себе отчет в том, что самотрансформация – это органический, постепенный процесс. Он не происходит в одночасье, и я становлюсь другим «в известном смысле», т.е. я не смогу стать совершенно другим человеком, это выше моих сил. Мне не преодолеть свое «человеческое, слишком человеческое». Многие из моих укоренившихся жизненных привычек останутся прежними, но теперь я не буду больше воспринимать их как независимые от меня слепые силы; мой привычный жизненный уклад будет постепенно объединяться вокруг нового внутреннего центра, который, так или иначе, изменит траекторию моего жизненного маршрута. Я не стану другим человеком, но я стану более цельным, сбалансированным, внимательным и проницательным; я почувствую связь с тем источником, с которым я соединен более глубокими корнями, чем та поверхностная и хаотичная ризома, которая связывает меня с миром повседневности.

«Глубинная философия», работая с философскими идеями, разоблачает распространенный миф о том, что философия абстрактна и далека от жизни. Прежде всего, следует различать философские идеи и философские теории. Теории никогда не имели прямой связи с реальностью, потому что в них дана системно и структурно схваченная модель реальности, ее идеализация. По большому счету теории описывают не реальность, а те условия и взаимосвязи для которых эта реальность либо необходима, либо возможна. В отличие от философских теорий, философские идеи представляют собой отчетливые и ясные «голоса» реальности, которые можно воспринимать, мыслить, понимать. Теория может нечто сообщить, но она не может к чему-то призвать; взывает и призывает идея. Теория может что-то объяснить, обосновать, доказать, но она не может кого-то преобразовать, вдохновить, побудить к действию; это делает идея. Теория мертва, потому что дает законченное и отстраненное описание мира «в-себе», идея жива, потому что служит субъекту для осуществления мира возможного, мира «для-себя».

«Глубинная философия», работая с философскими идеями, направляет силы разума на исследование основ жизни и реальности. У этой работы богатая традиция, однако «глубинной философии» можно отвести в ней особое место: в то время как большинство философов пытались исследовать реальность, создавая теории о ней, «глубинная философия» не может удовлетвориться теоретизированием. Интенция к реальности движется сквозь абстрактные теории, отталкиваясь от них, чтобы произошла встреча с реальностью, непосредственный контакт с ней. Поэтому, работая с философскими текстами, «глубинную философию» не интересуют теории, застывшие в них, даже если авторы этих текстов считали себя теоретиками.

Идеи могут жить своей собственной жизнью, независимой от теории. Конечно, взаимосвязанные идеи могут быть теорией, но их функция

заключается в том, чтобы служить мне картой реальности, для того, чтобы я выработал свой собственный маршрут движения по ней. Мое присутствие в реальности свидетельствует о том, что я ее часть, как волна в океане. Таким образом, идеи находят созвучие в том, понимание чего уже есть во мне, подобно тому, как дыхание океана присутствуют в каждой волне. Идеи «озвучивают» реальность, в которой я уже присутствую. Поэтому не я говорю «голосом» идей, просто озвучиваю их, наоборот, сами *идеи* говорят моим голосом. Их голос вполне конкретен, это не теоретическая абстракция, которая, выполнив свою функцию «путеводителя», уже не нужна.

«Глубинная философия» использует две метафоры, которые передают возможный контакт с реальностью: «внутренняя глубина» и «голос» реальности. Эти метафоры суть одно как две стороны одной медали. «Глубина» – это визуально-пространственная метафора, «голос» – это слуховая метафора. Таким образом, «внутренняя глубина» – это воображаемое «место», где мы можем «слышать» голос реальности. Созерцать во «внутренней глубине» есть примерно то же самое, что и слышать «голос» реальности. Средой для передачи этого «голоса» является особая атмосфера философской группы, которая обеспечивает резонанс. Резонанс возможен только в совместном созерцании идей. Это не только процедура созерцательного философствования, это также и особое психологическое состояние. Как процедура резонанс означает особую реакцию на идеи собеседника или идеи философского текста, которая позволяет говорить *из* них, а не *о* них. Вместо того, чтобы анализировать эти идеи, вместо того, чтобы оценивать или критиковать их, соглашаться или не соглашаться, философская группа моделирует такой диалог, который напоминает репетицию хора или оркестра. Импровизация с резонансом служит общему развитию музыкальной темы, наполняя ее новыми глубокими смыслами. Как психологическое состояние резонанс открывает для участников группы особую чувствительность и восприимчивость к интенции, направленной на реальность, обостряет интеллектуальные способности и возможности. Данное резонансное взаимодействие открывает возможности для более глубокого понимания реальности посредством обнаружения «созвучия» идей.

В объективированном мире «в-себе» резонансное взаимодействие невозможно, возможен лишь диссонанс. Например, формально-логические построения не могут допустить нарушение закона противоречия. Нарушение этого закона лишит аргументацию важнейшей опоры. Только в диссонансе противоречивой пары мы можем наделить одно из высказываний статусом истины. В резонансном взаимодействии в мире «для-себя» возможно принятие обоих суждений. Речь идет не о произвольности выбора, а о нахождении того целого, того отношения, где эти противоречия снимаются. Несмотря на то, что разные люди могут по-разному реагировать на один и тот же «голос» реальности, это не всегда приводит к спору или к позиции «скучного» релятивизма (мол, и ты прав, и ты прав). То, что резонирует во мне с реальностью, зависит от голоса моего личного опыта, который может

отличается от опыта другого. Однако, находясь в едином коммуникативном пространстве, мы не просто высказываем разные мнения о реальности, мы созерцаем реальность с разных сторон, обмениваемся опытом ее восприятия, обогащая тем самым общую картину реальности. Только научившись «слушать» музыку реальности, я смогу разбираться в ней и откликаться на нее своим голосом. Это достигается посредством резонансного взаимодействия созерцательной философской группы.

Именно здесь, по словам Ю.М. Резника, «возникают благоприятные условия для метапроектирования, которое осуществляют философы в надежде исполнить свою духовную миссию. В их присутствии можно найти осмысленные попытки преодолеть конечность своего существования и обрести силу духа, необходимую для трансцендирования бытия. Только так они могут осуществить свое жизненное кредо и профессиональное призвание» [5, с. 223].

В заключение хочется сказать несколько слов о прошедшем 26 – 29 сентября 2019 года международном ретрите «глубинной философии» в Орвието (Италия). Проводить философские ретриты в Италии стало доброй традицией. Они проходят два раза в год – в марте и сентябре, начиная с 2017 года. В данном формате философия возвращается к своей подлинной сути. Она перестает быть простым информированием о философии и очередным пересказом тех или иных философских теорий и концепций. Философия здесь обретает статус исследовательской деятельности, лаборатории мысли. В рамках ретрита не принято просто излагать позицию того или иного философа, произведение которого выносятся на коллективное обсуждение. Зачем в сотый раз повторять то, что философам и так хорошо известно? В центре внимания другое. Что новое, уникальное рождается здесь и сейчас в результате данной интеллектуальной практики? Какой новый поворот открывается в хорошо известной любому философу мысли или тексте? Ретрит создает уникальные условия во многом напоминающие практики классических старинных университетов: работа в малых исследовательских группах, где интенсивное обсуждение темы (с использованием специальных методик) сменяется временем уединения, молчания для ясного видения и четкой формулировки той уникальной мысли, идеи, которая будет итогом участия в сессии и которая озвучивается каждым участником в конце рабочего дня. Ретрит начинал свою работу в 9 утра и заканчивал в 9 вечера и так в течение нескольких дней. Полное погружение в тексты, исследовательскую проблематику и коммуникацию – все это создавало особую неповторимую творческую атмосферу, которая так необходима любому ученому, если он действительно ученый, а не просто функционер в командно-бюрократической университетской системе.

В ретрите участвовали философы-практики из США, Испании, Австрии, Германии, Дании, Италии, Израиля. Отрадно отметить, что данная форма практики привлекла внимание представителей ближнего зарубежья, в частности Казахстана. Все участники ретрита исповедуют практико-

ориентированную философию в противовес академическому начетничеству. Кто-то является руководителем философского кафе, кто-то занимается философским консультированием, кто-то руководит магистерской программой по подготовке специалистов в области философской практики, кто-то использует философские формы и методы в социальной работе. Все это создает благодатное поле для сотрудничества и обмена опытом. Российским специалистам здесь есть чему поучиться: как сделать философскую практику делом жизни, направленным на реальную помощь людям в удобных и комфортных для них форматах. Все участники ретрита были воодушевлены возможностью побывать в России и поделиться опытом своей работы в рамках VIII Российского философского конгресса, который будет проходить в Москве в мае 2020 года, где нами заявлен симпозиум «Философская практика в современном мире» и в рамках XVI Международной конференции по философской практике, которая также будет проходить в Москве в июле 2020 года. (Следует отметить, что данная конференция организована кафедрой философии Южно-Уральского государственного университета при поддержке Института философии Российской академии наук.)

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном. М.; СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; «Коло», 2005. – 288 с.
2. Борисов С.В., Гредновская Е.В., Динабург С.Р. Философская практика: лето – осень 2017 (по материалам российских семинаров с международным участием) // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 131 – 137.
3. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80 – 87.
4. Лахав Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2017. – 76 с.
5. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 632 с.
6. Amir L. Rethinking Philosophers' Responsibility. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 374 p.
7. Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth // The Philo-Practice Agora: The electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.philopractice.org/web/deep_philosophy (дата обращения: 16.10.2019).
8. Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2016. – 82 p.
9. Lahav R. Philosophical Contemplation: Theory and Techniques for the Contemplator. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2016. – 90 p.
10. Lahav R. The Philosophical Gardener: A New Paradigm for Philosophical Practice // New Frontiers in Philosophical Practice. Ed. by L. Amir. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 34 – 54.

11. The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2019. – 108 p.

12. The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2018. – 100 p.